

Глава 1: Дар из Западного края

Какой же я глупец.

Невероятный глупец.

Шэнь Цзюцзю, сложив крылышки, сидел нахохлившись в своей клетке. В его крохотных чёрных глазках-бусинках плескалось безмерное отчаяние.

Клетка была накрыта тёмной тканью, погрузив его в непроглядный мрак, который лишь изредка прорезали тонкие лучики света, не давая разглядеть, что происходит снаружи.

Поначалу юный евнух ещё заглядывал, чтобы подсыпать корма и подлить воды, но потом, видя, что птица ни ест, ни пьёт и с каждым днём всё больше худеет, видимо, решил, что она вот-вот очокурится. Так что и он перестал приходить.

Шэнь Цзюцзю не знал, к какому виду он принадлежит, но, судя по всему, был небольшой птахой вроде воробья, разве что с довольно длинным хвостом, который то и дело задевал прутья клетки, стоило ему повернуться.

Впрочем, в вечной темноте своей темницы он всё равно не мог разглядеть окрас своего оперения, даже если бы вывернул шею и попытался рассмотреть собственную грудку.

Шэнь Цзюцзю с усилием запрокинул головку и потёрся зудящим затылком о прутья, после чего медленно и неуклюже перевернулся на другой бок.

До того как стать птицей, Шэнь Цзюцзю звался Шэнь Синэнем.

Он принадлежал к тому самому роду Шэнь из дома князя-защитника государства.

Правда, рос он не в княжеской резиденции, а потому ни своего отца-хоуе толком не знал, ни его новую жену, госпожу Чжоу, в глаза не видел.

Как говаривала прислуга в поместье, Шэнь Синэнь был не более чем неотёсанным деревенщиной, выросшим в захолустье и не видевшим света.

Сам Шэнь Синэнь ни на что в доме князя-защитника не претендовал. В столицу он согласился приехать не ради титула наследника, а в надежде отыскать одного человека.

Своего благодетеля, спасшего ему жизнь три года назад в Цзяннани.

Тогда Шэнь Синэнь случайно упал в воду, и если бы не проходивший мимо спаситель, вытащивший его из озера, над его могилой уже давно бы шумела трава.

Все три года он жил воспоминанием о той мимолётной встрече, и черты лица благодетеля навсегда врезались ему в память.

Но найти его Шэнь Синэнь так и не успел. Он умер.

Погиб в восемнадцать лет. Мачеха, госпожа Чжоу, подставила его, заставив взять на себя вину за проступок сводного брата, который повсюду кичился своим положением, дома князя-защитника государства. В итоге его несправедливо казнили в тюрьме.

Что тут скажешь? Не разобрался в людях, не видел истинного положения вещей.

Он и впрямь был глупцом.

Птичий комочек, сжавшийся в углу клетки, шевельнулся. Он выпростал из-под себя две крохотные лапки и растопырил их, упираясь в дно.

Люди и нравы столицы оказались для Шэнь Синэня слишком сложны. Они ему не нравились.

Но и в Цзяннани у него больше не было дома.

Птичка едва заметно качнулась, её маленькие лапки пару раз дёрнулись.

Быть птицей оказалось невероятно скучно.

Мало того, что его держали в клетке под тёмной тканью, так ещё и поили одной лишь водой, а кормили только просом.

Вокруг не было ни одной другой птицы, с которой можно было бы перемолвиться словом, ни даже людей, чьи разговоры можно было бы подслушать. Царила мёртвая тишина.

Поначалу инстинкт самосохранения заставлял Шэнь Цзюцзю склевать несколько зёрнышек, но уже через пару дней он, привыкший к мясу, впал в полное уныние.

Стань он кошкой или собакой, мог бы рассчитывать на мясные объедки, но участь птицы была поистине ужасна.

Окончательно пав духом, Шэнь Цзюцзю снова вздохнул. Пушок у глаз всё ещё хранил влажные следы слёз. Из плотного комочка он постепенно превращался в распластанный по дну клетки птичий блинчик.

Всё равно птицы живут недолго.

Так пусть умрёт с голоду.

Внезапно послышался скрип тяжёлой дворцовой двери, а затем — приближающиеся шаги.

Шэнь Цзюцзю шевельнул головой.

Судя по мелкому, семенящему шагу, это был тот самый юный евнух, что раньше приносил ему еду и воду.

— Учитель, вот эта птица.

— Говорят, это дар из Западного края. Даже там такая считается редкостью!

Голос юного евнуха сочился лезтью. Тёмная ткань, накрывавшая клетку, приподнялась, и внутрь проник тусклый свет, озарив Шэнь Цзюцзю.

Он слегка приоткрыл глаза. На позолоченных прутьях блеснул слабый ответ.

Птица не ела уже три дня. Перья на грудке поблекли, крылья безвольно обвисли, а длинный хвост выглядел каким-то облезлым.

Два лица склонились над клеткой. Шэнь Цзюцзю, с детства ценивший красоту, бросил на них один взгляд и тут же отвернулся.

Уродство. Больно птичьим глазкам.

Даже перед смертью не дадут полюбоваться на что-нибудь приятное.

— Ты уверен, что эта тварь сама не ест? Если осмелишься обмануть меня и сорвать приказ Его Величества, смотри, шкуры не сбережёшь! — голос старшего евнуха был мягким и пронзительно-тонким.

— Да как я посмею обманывать учителя? Это правда...

Юный евнух перепугался, тут же открыл клетку, схватил Шэнь Цзюцзю, одной рукой разжал ему клюв и, зачерпнув ложечкой просо, попытался запихнуть его внутрь.

Обессилевший от голода Шэнь Цзюцзю даже не сопротивлялся, позволяя засыпать зёрна себе в рот.

Но как только евнух убрал руку, Шэнь Цзюцзю открыл клюв, мотнул головой, и пригоршня проса вместе со слюной вылетела наружу, обдав молодого слугу с ног до головы.

Тьфу!

Юный евнух, не смея даже отряхнуться, поспешно склонился:

— Вот видите, учитель, я говорил правду.

— Хорошо. Эта подойдёт, — старик с лицом, похожим на сморщенную апельсиновую корку, казалось, остался доволен. Своим мягким и тонким голосом он приказал: — Время не ждёт. Бери её и следуй за мной.

Шэнь Цзюцзю снова швырнули в клетку.

Тёмная ткань вновь опустилась, скрывая изящную позолоченную клетку.

Клетку подняли. Видимо, они торопились, потому что юный евнух шёл очень быстро. Клетка в его руке раскачивалась, и вода из поилки окатила Шэнь Цзюцзю с головы до ног.

Птичка внутри лишь закатила глаза. Не делая ни малейшей попытки отряхнуться, она позволила мокрым перьям изваляться в рассыпанном просе.

Делайте что хотите.

Всё равно эта птица жить не собиралась.

— Господин Пэй прибыл!

Издали донёсся голос глашатая. Шаги юного евнуха ускорились ещё больше. Шэнь Цзюцзю слышал его тяжёлое, сбившееся дыхание.

Всего лишь доставить птицу. К чему такая спешка?

— Слуга приветствует господина Пэя.

Перед этим господином Пэем старший евнух сменил обращение, но его тонкий голос, нарочито растягивающий слова, звучал донельзя язвительно.

— Это дар Его Величества, драгоценная птица. Примите её как следует.

Господин Пэй?

Пэй?

Если уж такой влиятельный придворный евнух обращается к кому-то со всем почтением, то это, скорее всего, первый советник Пэй Ду.

При звуке знакомой фамилии сердце Шэнь Цзюцзю дрогнуло.

Его благодетель, о котором он так и не смог ничего разузнать, тоже носил фамилию Пэй.

Столица — огромный и процветающий город, где жило бесчисленное множество семей с одинаковыми фамилиями. Но самой известной из всех, несомненно, была семья первого советника Пэй Ду.

Шэнь Синэнь и сам допускал, что его спасителем мог быть Пэй Ду.

Но, во-первых, он разузнал, что первый советник вот уже несколько лет не покидал столицы, а во-вторых, человек его положения, только-только прибывший в город и не имевший никаких связей, не мог и мечтать о личной встрече с такой влиятельной фигурой.

«Эх, да мне даже портрета его раздобыть не удалось».

Позолоченная клетка качнулась и перешла в другие руки.

Движения Пэй Ду не отличались особой нежностью, но рука его была твёрдой, и Шэнь Цзюцзю, которого уже начало мутить от качки, почувствовал лёгкое облегчение.

— Слуга благодарит Его Величество за щедрый дар.

Голос Пэй Ду звучал ровно и отстранённо, в его холодных нотках сквозило безупречно выверенное почтение.

Старший евнух, недовольный таким спокойствием, с ухмылкой произнёс:

— Его Величество велел передать, что эта птичка весьма упряма. Она скорее умрёт с голоду, чем примет хоть зёрнышко из императорской кормушки. Совсем как...

— Как кто же?

В голосе Пэй Ду слышались насмешливые нотки. Он слегка повысил тон, но в нём не было и тени раздражения.

Клетка стояла неподвижно. Шэнь Цзюцзю, прижавшись к прутьям, шевельнул кончиком крыла. Он повернул клюв в сторону говорившего и уловил тонкий, приятный аромат.

— Как... как... — голос евнуха дрогнул, словно его сдавила невидимая сила, но он всё же выдавил из себя слова императора: — ...как те, кто не желает мириться с обстоятельствами.

— О?

Шэнь Цзюцзю услышал, как Пэй Ду легонько постучал кончиком пальца по прутьям клетки.

Этот неторопливый, изящный жест был исполнен аристократического достоинства.

Голос его оставался совершенно спокойным.

— В таком случае, будьте любезны передать Его Величеству...

— ...что мой долг — позволить ей обрести желаемое и умереть достойно.

Шэнь Цзюцзю внесли в паланкин, и он отправился вместе с господином Пэем в его резиденцию.

Пока клетку несли, Шэнь Цзюцзю шевельнул кончиком хвоста и снова вдохнул аромат, исходивший от этого человека.

Чем бы он ни умащивал свои одежды, запах был поистине прекрасен.

Просто сводил птичку с ума.

— Господин, это?..

Раздался старческий голос. Шэнь Цзюцзю предположил, что это был управляющий резиденции Пэй.

— Дар Его Величества, — клетка снова перешла из рук в руки. — Повесьте её на веранде у кабинета.

Тёмную ткань наконец-то сняли.

Яркий солнечный свет хлынул сквозь прутья, на мгновение ослепив Шэнь Цзюцзю. Он инстинктивно опустил голову и ткнулся клювом в дно клетки.

Когда управляющий Чжун Бо убрал покрывало, он увидел лишь жалкое зрелище: полумёртвую птицу с мокрыми, слипшимися перьями, извалянную в просе.

Даже не зная всех обстоятельств, Чжун Бо почувствовал в этом даре неприкрытую насмешку и злой умысел.

— Господин, эта птица — дурное предзнаменование. Может быть...

— Ничего страшного. Вешайте, — голос Пэй Ду оставался невозмутимым.

«Что? И он это стерпит?»

Шэнь Цзюцзю, слышавший весь разговор и уже смирившийся со своей незавидной участью, был крайне удивлён. Он уже было решил, что его птичья жизнь закончится, так и не успев начаться, и ему даже не придётся умирать от голода.

Сгорая от любопытства, он повернул голову и посмотрел за пределы клетки. Его взгляд встретился с парой глаз, холодных, как горные озёра.

В нескольких шагах от него стоял мужчина, облачённый в парадный халат первого ранга с вышитым журавлём. На его нефритовом поясе покачивался золотой мешочек в форме рыбки.

На вид ему было не больше двадцати шести или двадцати семи лет, но держался он с поразительным, не свойственным его возрасту спокойствием.

Две брови, острые, как мечи, взлетали к вискам. Под ними — глаза феникса, от которых замирало сердце. Чуть приподнятые уголки глаз должны были бы придавать его лицу игривое и обольстительное выражение, но холодный, как звёздный свет, взгляд замораживал всю их природную прелесть.

С такой внешностью ему бы впору служить в академии Ханьлинь, слагая стихи и наслаждаясь вином, но сейчас от него исходила такая смертоносная аура, которую не могли скрыть ни пурпурный халат, ни нефритовый пояс.

Он совсем не походил на того добродушного человека, каким его представлял себе Шэнь Цзюцзю.

Но всё это уже не имело для птички никакого значения.

Едва живая белая пташка с длинным хвостом, распластавшаяся на дне клетки, внезапно встрепенулась. Её круглые чёрные глазки вспыхнули ярким светом.

Шэнь Цзюцзю подлетел к прутьям. Его маленькие глазки-бусинки расширились, а перья на щеках примялись, оставив на них две забавные полоски.

Он с силой просунул острый клювик сквозь решётку и, отчаянно потянувшись в сторону Пэй Ду, издал целую трель — громкую, полную воодушевления.

— Чив-чив! Чив-чив-чи-и-ив!

От его прежней апатии не осталось и следа.

Пэй Ду слегка опешил.

Чжун Бо тоже удивлённо пробормотал:

— Что это с ней?

Шэнь Цзюцзю и представить не мог, что Пэй Ду и был тем самым человеком, о котором он так долго мечтал.

И что он, умерев и возродившись птицей, по иронии судьбы встретит его вновь!

Он. Стал. Птицей. Пэй Ду!

Как это называется?

Это то, о чём говорила матушка: «Если судьба, то и за тысячу ли вас сведёт!»

Неведомо откуда взялись силы. Тощая длиннохвостая птичка метнулась к кормушке, задрала лапку и с яростной решимостью принялась за еду.

Поглощая зёрна, она не сводила своих блестящих чёрных глаз с Пэй Ду.

Она ела так жадно и поспешно, что несколько раз чуть не подавилась.

«Нет, умирать нельзя!»

Шэнь Цзюцзю тут же повернулся к поилке и сделал пару глотков.

А потом снова принялся за еду.

Птичка больше не хотела умирать.

Она хотела... Жить

<http://bllate.org/book/13669/1210564>